

ребил шейные позвонки. Канташу — в висок. Селим, Бехо, Юнус поднимутся, но не раньше, чем наутро. Корявенькие у тебя, Кьюра, бойцы, корявенькие. Сила есть, ума... надо бы, надо им маленько ума. Вот и вразумил капитан, сделал всё что мог.

Фантазии (типа “сделал дело — гуляй смело!”) — наив. Скорее неизбежное “мавр сделал дело? мавр может (должен!) умереть”.

Неизбежное, неизбежное!..

Кьюра Даккашев соорудил хорошую мину при плохой игре. Жестом осадил “болельщиков”.

Разъярённые абреки рвались решить проблему уруса раз и навсегда. Если у соратников не получилось решить проблему урусу руками-ногами, то автоматной очередью — наверняка.

— Алхаста убил! Канташа убил!

— Слушь, Селим не дышит!

— Совсем?

— Не совсем. Но селезенку порвал! Или печень?

— Ва-алла!.. Кьюра! Он троих убил, былят!

Кьюра Даккашев наски-горлово прикрикнул на ораву. Командир он или нет?!

Орава было притихла. Надолго ли? Кьюра, само собой, командир... ну и командуй, командир: фас! Урус троих наших убил, и ты его, что, защищаешь?

— Воин принявший смерть в честном бою угоден Аллаху! Селим, Канташ, Алхаст — в раю! — перешёл он на русский. — А эту с-с-собаку ждёт ад. Да?!

— Да-а-а!!! — проревела орава. — А-а-ад!!!

— Кто из вас отправит его туда? — и уточнил, каким способом, описав пальцем круг и ткнув в середину, — прежним способом. Из автомата и дурак сможет, но ты поди справишься с урусом руками-ногами! — Нурид? Мовсар? Шамса?

Легко сказать: поди справишься! А ты поди справишься!

Бородачи, обозначенные Кьюрой как Нурид, Мовсар, Шамса, отказаться не отказались (совсем позор!), но не спешили, не спешили, нет. Ме-едленно-ме-едленно расстегивали бронезилеты, до-о-олго-до-о-олго выбирали в массе сподвижника, достойного принять и поддержать автомат с прочими бряцающими оружейными причиндалами, пока они с урусом разбираются.

Кьюра выдержал паузу, абсолютную во

всех отношениях, махнул рукой на подчинённых без пренебрежения, но в смысле: дожждёшься вас! Сбросил бушлат, остался в комбинезоне-камуфляж, не стесняющем движений. Шагнул к Токмарёву, принял стойку кокутцу-дачи. Давай, спецназ, давай! Видишь, по честному — один на один. В равных условиях. Сапоги он, правда, не стянул. А урус босой — ему же, урусу, легче. (Что под ногами не татами, а снежная каша, — ай, какие мелочи!) Давай, ну?!

Полевой командир Даккашев почти не рисковал. Токмарёв, обессиленный предыдущей схваткой, держался с очевидным трудом. Трёхминутная передышка, вызванная отборочной заминкой, — мало. Расчёт полевого командира Даккашева почти безошибочен. Первому лезть на рожон — чревато боком. Препедент имеется — грозненский август. Там, допустим, Кьюру вырубил не Артём, а Юзон. Тем не менее... подстраховаться не помешает. Спустить на капитана пятерых! Замордуют (и потренируются вместе с тем, застоялись) — на то воля Аллаха. Не замордуют всуемерть, зато потреплют — до кондиции до нужной. Нужную кондицию (чтоб от легкого толчка — навзничь) определять полемому командиру Даккашеву. В крайнем случае, спустить на капитана ещё пятерых, ну троих. После чего вздохнуть сокрушенно: “Молодёжь, молодёжь!.. Эх, расступись, я иду!.. Урус! Грозный помнишь? Давай теперь посмотрим!”

И авторитет полевого командира Даккашева, прикончившего “спецназа” голыми кулаками, — выше сияющих горных вершин. (А прикончить всенепременно! Иначе авторитет полевого командира Даккашева — ну, понятно. Мёртвые молчат, из них, из мёртвых, клешами слова не вытащишь — например, слова о “языкастом” Кьюре в управлении ФСБ).

Бравый Ястреб почти уверовал в собственную неуязвимость и... почти просчитался. Токмарёв отдавал себе отчёт — в нынешнем своём состоянии он с Кьюрой не справится ни пятой, ни кулаком, ни “замком”. Но зубы... До глотки добраться и перегрызть.

Чем естественней человек себя ведёт, презрев ритуальные ограничения, тем обширней поле Добра, — ибо по природе своей он не дикий зверь, но существо, рождённое для жизни в гармонии с Миром.

Естественное желание — перегрызть глотку. Презрев ограничивающие правила даже самой жёсткой из школ, Косики-каратэ. Не дикий зверь пробудился, но существо гармоничное. Гармония с Миром — удаление из этого Мира организмов, подобных Даккашеву...

Просчитался бравый Ястреб, просчитался. А почти — потому, что последний бой, он же трудный самый, для Токмарёва не состоялся. Ибо при переходе Кьюры из кокутцу-дачи в ещё более наступательную неокаши-дачи (ид-ди сюда, урус, ид-ди!) в толпе абреков возникла некая подвижка, вынырнул боевичок с миниатюрной рацией, прожестикуюлировал: командир! тебя!

Кто смеет отвлекать всепобеждающего батыра в минуту надвигающегося триумфа?! Отыди, боевичок! Позже!

Нет, сейчас.

— Марзабек... — подсказал боевичок с миниатюрной рацией, интонационно деля почтение поровну: ты наш командир, но к нам едет всем командирам командир!

Едет-едет, закричали звери.

Нет, не то.

К нам прие-е-ехал, к нам прие-е-ехал Абалиев да-а-арагой!

Ибо не ещё едет, но уже приехал.

Завывание мотора. Близко, рядом. Вот она, “жигуль”-девятка, наиболее популярная модель у абреков-экспроприаторов. Звук в гористо-холмистой местности — не издали по нарастающей, но внезапно — горы-холмы блокируют звук.

Кьюра Даккашев не успел толком распорядиться рацией: пропустить! не пускать! (Кишка тонка распоряжаться маршрутами вышестоящего товарища по оружию!) С блокпоста просто сообщили, поставили перед фактом: к вам едет Марзабек!

Пренеприятнейшее известие.

Кьюра не удержал лица, выскрилось бешеное раздражение — против боевичка, запоздавшего с известием? против стражей, давших “зелёный коридор” почитаемому Абалиеву? против Токмарёва, недобитого до летального исхода? против оравы “ястребков”, вышедших (перешедших) из повиновения (в повиновении), стоило им услышать и понять: к вам едет Марзабек!

Все вместе и все сразу.

Узнай Даккашев о визите полевого маршала чуть раньше, постарался бы по времени урезать зрелище расправы с пленным урусом, до прибытия Марзабека уложиться, то есть уложиться...

И тогда: где это зрелище?

И с невиннейшим видом: какое? возмездие урусу? это здесь!

Постфактум вольно маршалу сетовать: вся эта кровь кричит о войне, ёпть!

Теперь же Кьюра был лишён и такой малости-милости, как плеснуть ручкой “ястребкам”: драконьте мента в хвост и в гриву, чтоб места живого не осталось! отдаю мусорка вам на съедение! ко мне Марзабек приехал, и — не до пустяков...

Благоговейное внимание “ястребков” — на бежевой “девятке”, откуда следом за тремя амбалами-телохранителями... ва-алла!.. маршал! собственной персоной!

Не надо оваций, народ. Абалиев прост. Как правда. Бритый череп, небритый подборок, кривая снисходительная усмешка, провокационно выпуклый взгляд: я и сам всё знаю, но хотелось бы услышать...

Картинное объятие с ближайшим сподвижником Кьюрой.

Картинные рукопожатия в толпе.

Картинное объятие с рядовым абреком: “Помню тебя, Халид! Здорова ли твоя Капи?” — бонопартистское эпигонство.

Картинное недоумение: “А это что за чучело? Урус? Откуда он здесь? Ты ведь его не украл, Кьюра? Нельзя-а-а! Максудов и Пелядь договорились, что нельзя”.

БОЕВОЕ БРАТСТВО: ФОТОХРОНИКА

